

35. Стародымов Н. А. Отважный разведчик Николай Артамонов задолго до войны сформировал разведывательную сеть в Турции / Н. А. Стародымов // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 10.
36. Сыздыкова Е. С. Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII-XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России / Е. С. Сыздыкова. – М., 2005.
37. Фаврикодоров К. Н. Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877–1878 годов / К. Н. Фаврикодоров // Исторический вестник. – 1885. – Т. 22. – Кн. 10, 11.
38. Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868) / Н. А. Халфин. – М., 1960.
39. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.) / Н. А. Халфин. – М., 1965.
40. Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века) / Н. А. Халфин. – М., 1974.
41. Халфин Н. А. Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 50-х годов XIX века / Н. А. Халфин // Труды среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. – Вып. 78. Исторические науки. – 1956. – Кн. 13.
42. Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев / В. М. Хевролина. – М., 2004.
43. Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром / П. Хопкирк. – М., 2004.

УДК 94: [323.3-054.73(=161.1)] (438) «192/193»

Социально-экономическая адаптация русских беженцев в Польше в 20-30-е годы XX века

Елкин А. И.

Йолкін А. І. Соціально-економічна адаптація російських емігрантів у Польщі в 20-30-х роках XX століття. В статті розглядаються об'єктивні та суб'єктивні фактори, які впливали на працевлаштування російських емігрантів в країні. Показані напрямки діяльності емігрантських організацій щодо адаптації емігрантів: створення бюро праці, різних майстерень, картелів праці. Тяжка економічна ситуація у Польщі, масове безробіття,

© Елкин А. И.

заборона на вільне переміщення та прикріплення до відповідного місця проживання, все це об'єктивно створювало для основної маси біженців можливість отримати тільки некваліфіковану роботу.

Ключові слова: емігрант, Польща, адаптація, робота.

Ёлкин А. И. Социально-экономическая адаптация русских эмигрантов в Польше в 20-30-е гг. XX века. В статье рассмотрены объективные и субъективные факторы, влиявшие на трудоустройство русских эмигрантов в Польше. Показаны направления деятельности эмигрантских организаций по адаптации эмигрантов: создание бюро труда, различных мастерских, трудовых артелей. Тяжелая экономическая ситуация в Польше, массовая безработица, запреты на свободу перемещения и прикрепление к определенному месту жительства, все это объективно давало основной массе беженцев возможность получить только неквалифицированную работу.

Ключевые слова: эмигрант, Польша, адаптация, работа

Elkin A. I. The social and economic adaptation of Russian emigrants in Poland in 20-30-th years of the XX century. In the article are considered objective and subjective factors of the influencing employment of Russian emigrants in Poland. The author shows the directions of an activity of emigrant organizations on the adaptation of emigrants: creation of a bureau of work, various workshops, labor artels. A heavy economic situation in Poland, mass unemployment, interdictions for a freedom of moving and an attachment to the certain residence, all it objectively gave the chance to a great bulk of refugees to get only not qualified work.

Key words: emigrant, Poland, adaptation, work.

Русская эмиграция «первой волны» является историческим феноменом. Революционные катаклизмы и кровопролитная Гражданская война привели к тому, что за пределами бывшей Российской империи оказалось примерно 1,5-2 млн. человек. Значительное количество эмигрантов нашли себе пристанище на территории славянских стран, в том числе и в Польше. В пределах возрожденного государства оставались обычно те, у кого не имелось финансовых возможностей ехать дальше, больные, а часто и разочаровавшихся в будущем. Вопрос социально-экономической адаптации русских эмигрантов в Болгарии [8], Югославии [7;9] и Чехословакии [14] нашел свое освещение в литературе. Однако проблема занятости беженцев в Польше практически не рассматривалась исследователями.

На положение русских эмигрантов в Польше влияли как объективные так и субъективные факторы. Очень существенным фактом несомненно являлось и то, что на территории бывшей Российской империи не имелось ее дипломатических представительств, как это было в Болгарии или Сербии. Кроме того в Польше, в отличие от других славянских стран,

не существовало специальных программ помощи русским эмигрантам, которые имелись в Болгарии, КСХС, в Чехословакии. Особо следует отметить тот факт, что в стране отсутствовали специальные государственно-эмигрантские организации (Державная комиссия в КСХС, Комитет помощи русским беженцам в Болгарии), через которые изгнанники непосредственно получали государственные субсидии.

Чрезвычайно трудно определить точную цифру численности русской эмиграции в Польше, однако наиболее точными можно считать цифры, содержащиеся в отчетах Русского Попечительного Комитета (РПК) в Польше, организации, непосредственно занимавшейся беженцами из России. Так по данным РПК в 1922 г. в Польше насчитывалось около 50 тыс. русских эмигрантов [3, ф. 5814, оп. 1, д. 6, л. 39], а в 1924 г. – 60800 человек [3, ф. 5814, оп. 1, д. 154, л. 1-2]. Но затем эти цифры уменьшались, главным образом, из-за отъезда эмигрантов в другие страны. Большинство беженцев оказались без всяких материальных средств существования. Поэтому постепенно выживание становится основной и доминирующей идеей в массовом сознании русских беженцев. «Они торговали в Варшаве чем придется, – писал Р. Донской. – Капитан II ранга Балтийского флота продавал чей-то дом в Москве, национализированный большевиками, антикварий из Леонтьевского переулка носился с партией бриллиантов, а ассистент-химик провинциального университета старинную табакерку, уверяя, что ее однажды изволил нюхать Людовик XIV» [4, с. 236]. Отсутствие материальных средств существования у основной массы беженцев сразу же поставило на повестку дня вопрос о их трудоустройстве. Русские считали, что проблема занятости носит временный характер, ибо свое пребывание в Польше они рассматривали как кратковременное. Следовательно, и организации, ведавшие трудоустройством, носили временный характер, ибо надежды на быстрое возвращение в Россию связывались с победами генералов Деникина, а потом Врангеля. Так в 1919 г. при русской столовой в Варшаве создали бюро труда. С просьбой найти работу сюда обратилось 190 человек. Трудоустроилось через бюро 30 человек. Наибольшим спросом пользовались репетиторы и электротехники [2, 1919. 7. 11]. В связи с увеличением количества русских беженцев на польской территории и обострением проблемы занятости возникла необходимость в создании постоянно действующего органа. По инициативе миссии Российского общества Красного креста (РОКК)* в Варшаве в декабре 1920 г. открыли Бюро труда. Аналогичные бюро появились в Вильно и Львове, но последнее в 1923 г. прекратило свою

* Российское общество Красного креста было образовано в 1867 г. В 1918 г. большевики его распустили, но в эмиграции оно продолжало работать, оказывая разнообразную помощь беженцам.

деятельность [3, ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 8]. Только за период с ноября 1920 г. по март 1921 г. в Варшавское бюро обратилось 610 человек, из них работу получили 150 человек. На решение проблемы трудоустройства русских эмигрантов в Польше важное влияние оказывала массовая безработица в стране. В начале 1919 г. количество безработных в Польше составило 200 тыс. человек [6, с. 450], а в 1922 г. 206 тыс. [17, с. 19]. Поэтому количество безработных эмигрантов постоянно оставалось значительным.

Аналогичная ситуация с занятостью русских эмигрантов существовала в Вильно. Отчет о деятельности Бюро труда в городе за март-октябрь 1922 г. свидетельствует, что там оказалось зарегистрировано 3127 безработных членов русской колонии. Запросы на рабочих и служащих поступали в основном от частных лиц и небольших предприятий, где отсутствовали профсоюзы. Попытки устроить безработных на крупные фабрики и заводы встречали противодействие польских профсоюзов и посланные русские безработные сразу же увольнялись. 30 человек, отправленных на табачную фабрику и 10 человек – на лесопильный завод были незамедлительно сняты с работы. Поэтому безработные в Вильно занимали должности сторожей, швейцаров, разносчиков товаров, пилющих дров и использовались на строительных работах [3, ф. 5814, оп. 1, д. 21, л. 491]. Плата за труд в большинстве случаев оказалась небольшой ввиду имеющегося в Вильно большого количества безработных.

Возникшую проблему попытались решить с помощью общественных организаций. РОКК в 1921 г. открыл в Варшаве и Воломине (17 км от Варшавы) 13 собственных мастерских (слесарную, столярную, белошвейную, художественную – резьба по дереву, трикотажную, картонажную и др.). Работало в них около 400 человек [3, ф. 5814, оп. 1, д. 64, л. 177]. Однако уже к концу 1923 г. большинство мастерских пришло в полный упадок. В них осталось по 2-3 человека. Некоторые мастерские закрылись, так как не было сбыта для их продукции. В 1924–1925 гг. в условиях экономического кризиса эти мастерские прекратили свое существование. Оборудование частично перешло на тех или иных условиях к работавшим или было распродано [3, ф. 5814, оп. 1, д. 64, л. 117]. Аналогичная судьба оказалась у мастерских, созданных Земгором в Чехословакии. Просуществовав 3-4 года, они распались и прекратили свое существование [14, с. 73]. Чтобы решить проблему занятости РПК в Варшаве открыл различные краткосрочные курсы утилитарного характера (бухгалтерские, языковые, сапожного ремесла, шпигатоуплетения и др.). Сбыт изделий, произведенных русскими ремесленниками, осуществлялся, главным образом, в Варшаве, на Вольни и в Восточной Галиции [1, с. 6].

Одним из наиболее распространенных занятий русских беженцев являлось мелкое кустарное производство. Ремесленники изготавливали преимущественно предметы художественного и декоративного характера: мозаика и выжигание по дереву, художественная вышивка. Нередко купцы скупали эти изделия за бесценок. Для того чтобы поддержать материально кустарей в декабре 1923 г. в Русском доме в Варшаве организовали выставку изделий русских ремесленников. В итоге продали 71 экспонат и выручили 935.043500 марок [1, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 68].

В связи с неудачными попытками помочь эмиграции облегчить ее трудное материальное положение, группа беженцев в 1922 г. приняла решение организовать акционерное общество. Целью этой акции являлось сплочение эмиграции и повышение жизненного уровня эмигрантов не благотворительными подачками, а личной заинтересованностью. В частности, назначали минимальную стоимость за пай (150000 п.м.), а лицам, которые не могли внести эту сумму, предоставлялась возможность участвовать в предприятии личным трудом [13, с. 1]. Однако попытки заняться средним и крупным бизнесом из-за ограниченности средств, отсутствием необходимых знаний, опыта, а часто и противодействием властей, обычно заканчивались неудачей. Так, Союз русских инвалидов (СРИ) хотел получить разрешение на лесные разработки, а также на торговлю водкой и табаком, но эта попытка не увенчалась успехом. Против этого выступили соответствующие государственные органы, защищавшие интересы своего производителя [3, ф. 5854, оп. 1, д. 17, л. 144]. Приводимые польским исследователем В. Станиславским данные о том, что в Вильно в 1930 г. был создан Русский кооперативный банк, и здесь же действовало Русское кредитное товарищество, общей картины не меняют [19, с. 50]. Кроме того, вероятнее всего, что их создали не эмигранты, а представители русского национального меньшинства.

В силу отмеченных причин из находившихся в 1924 г. в Польше 60800 эмигрантов, около 40 тыс. занимали временные должности или вообще являлись безработными [3, ф. 5764, оп. 1, д. 154, л. 3]. Поиск работы оказался непосредственно связан с социальным составом эмиграции. Ибо в Польше около 70 % эмигрантов являлись бывшими солдатами и офицерами. В ноябре-декабре 1920 г. на территории страны были интернированы две русские армии: армия С. Булак-Балаховича и 3-я русская армия П. Б. Пермыкина общей численностью около 18 тыс. человек. Они находились в лагерях на территории страны с 1920 по 1924 годы. Социально-бытовые условия в лагерях оказались тяжелыми. Создавшееся положение пытались поправить путем трудоустройства интернированных. Вопросом поиска работы для интернированных занимался отдел трудовой помощи при Управлении интернированных Русского эвакуационного комитета (РЭК), который

возглавлял Б. В. Савинков. Отдел трудовой помощи, начавший свою работу в феврале 1921 г., поставил своей задачей организовать артели из интернированных для работы за пределами лагерей и создать мастерские в лагерях (обувные, бельевого и др.). Но такое решение вопроса о трудоустройстве встретило противодействие со стороны Министерства труда и общественного презрения, которое заявило, что ввиду большого количества безработных, особенно при демобилизации польской армии (она насчитывала около 600 тыс. чел.), работа интернированных может быть представлена только в тех случаях, когда не находится желающих среди польских рабочих. Министерство труда и общественного презрения направило соответствующий циркуляр в Министерство военных дел, которое в свою очередь затрагивало вопрос о выпуске из лагерей [3, ф. 5784, оп. 1, д. 36, л. 47]. Сюда следует добавить 25 тыс. пленных красноармейцев, трудившихся в 1921 г. на различных работах в рабочих командах [10, с. 12]. Всего в польских лагерях находилось свыше 110 тыс. бывших красноармейцев [18, с. 64-65]. На средства Земгора (создан в феврале 1921 г. в Париже) удалось организовать ряд мастерских: столярную, бельевого, сапожную, корзиночную и художественную. Они работали как на внешний рынок, так и для удовлетворения потребностей жителей лагерей.

Естественно, что этот вид помощи требовал также больших оборотных средств, и поэтому она была прекращена [3, ф. 5814, оп. 1, д. 2, л. 30]. Трудовая деятельность главным образом сосредоточилась на формировании артелей из бывших интернированных в лагерях. Большинство артелей направлялось на лесные и железнодорожные работы. Всего организовали 55 артелей численностью около 4 тыс. человек. Артели находились преимущественно в лесах Беловежа и Августова. Работа на заготовке леса и лесопильных заводах оказалась тяжелой и изнурительной. Оплата по сравнению с дороговизной выдавалась минимальная. Заработок колебался от 500000 до 700000 польских марок (п.м.). В то время как килограмм хлеба стоил 35000 п.м., картофеля – 80000 п.м., фунт сала – 400000 п.м. [3, ф. 5814, оп. 1, д. 30, л. 14]. Часто работающие жили в бараках, кишевших насекомыми, а в лесах случалось жить и в шалашах, где спать даже зимой приходилось на земле, устланной травой и сухими листьями. Инспектор артелей в связи с этим писал: «Люди работают в одной нижней одежде с ногами, обернутыми тряпками. С лица пот льет ручьем, а ноги стынют в месиве из снега и грязи. Люди заболевают и отмораживают ноги» [3, ф. 5764, оп. 1, д. 149, л. 347]. Только в госпитале Беловежа в декабре 1922 г. лежали с отмороженными ногами 47 чел., главным образом из-за отсутствия обуви, ибо трудиться приходилось в 20-25⁰ морозы [3, ф. 5814, оп. 3, д. 1, л. 79]. В 1922 г. польские власти обнаружили среди интернированных бывшей 3-ей Русской армии «монархический заговор». 57 интернированных

офицеров оказались преданы суду. Несмотря на то, что суд их оправдал, власти использовали это как повод для высылки в апреле 1922 г. из страны военной миссии и представителей РОКК во главе с Любимовой и сотни интернированных, трудившихся в артелях возвратились в лагеря и лишились помощи РОКК [3, ф. 5809, оп. 1, д. 205, л. 10]. Поэтому уделом интернированных традиционно являлась черная работа, от которой польские рабочие отказывались, но однако на этой почве имели место конфликты. Хотя формально, согласно инструкции Министерства труда от 20.12.1923 г., на эмигрантов распространялись законы о зарплате, 8-часовом рабочем дне, лечении за счет предпринимателей и т.д., они находились в полной зависимости от работодателей [3, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 67].

Иное отношение к русским эмигрантам проявила Болгария. Национальная Болгарская дирекция труда 10 июля 1926 г. своим решением обязала местные власти уравнивать русских в правах приема и увольнения с работы с подданными Венгрии, Румынии и Чехословакии, с которыми имелись межгосударственные соглашения [8, с. 210].

Пытаясь стабилизировать экономическую ситуацию в стране В. Грабский провел финансовую реформу: в мае 1924 г. в обращение ввел злотый. Стабилизация валюты в Польше проводилась путем увеличения всех налогов и тарифов на железнодорожные перевозки. В связи с повышением цен на железнодорожные перевозки невозможным стал экспорт леса. Его перевозка из Волынской губернии в Гданьск составляла до 60 % его стоимости в городе. Это привело к закрытию предприятий и безработице, в первую очередь среди интернированных. При сокращениях они увольнялись в первую очередь. Не имея средств интернированные начинали голодать [3, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 47]. Следовательно, занятые на лесных разработках оказались не только безработными, но и лишились источников всяких средств существования. Единственной надеждой изменить свое материальное положение для русских беженцев являлась возможность попасть с помощью Лиги наций на работу во Францию, казавшуюся им «землей обетованной». В стране в связи с франко-бельгийской оккупацией Рура (январь 1923 г.) и отправкой туда французских рабочих, а также восстановлением пострадавших во время войны департаментов, вырос спрос на рабочую силу. Однако направление русских эмигрантов на работу во Францию натолкнулось на ряд трудностей. Русский попечительный комитет (РПК) не получил официального разрешения от польского Министерства труда и общественного презрения на выезд значительной группы русских эмигрантов. Указанное министерство пыталось отправить своих безработных, а квота эмигрантов должна была составить от 10 % до 15 % польских рабочих. Возникшие проблемы удалось уладить с помощью представителя Лиги наций Г. Шарпанье. Через его посредничество получили предложение от двух

французских фирм отправить на работу во Францию русских эмигрантов из Польши. Русские трудились на сталелитейных заводах в Лотарингии (Кнютанж) в качестве чернорабочих, литейщиков, машинистов, каменщиков и др., а также на строительстве порта в Нормандии (Гранвиль). Контракты заключались на срок от трех до шести месяцев. Всего во Франции за период с февраля 1924 г. по ноябрь 1926 г. выехало 1772 человека. В стране каждый русский, легально въехавший в нее, пользовался равными с другими иностранцами правами, беспрепятственно получал удостоверение личности («карт дидантите»), дающее право на свободное поступление на работу, проживание и получение медицинской помощи [3, ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 28]. В 1929–1930 гг. во Францию из Польши выехали по официальным приглашениям еще 500 человек, главным образом на сельскохозяйственные работы [16, с. 58]. После ликвидации лагерей (1924 г.) интернированные получили статус политических эмигрантов и поселились на территории центральных и западных воеводств.

Непосредственно проблема трудоустройства в Польше оказалась связана с их правовым положением. Русских, проживавших в Польше, разделили на две категории. Лица первой категории имели белые карты побыта (пребывания), продлевавшиеся каждые три месяца. Ко второй группе относились те, за которыми формально было признавалось право политического убежища. Они имели красные карты азилия (убежища). Кроме того беженцев прикрепляли к определенному месту жительства, а свобода передвижения их ограничивалась. Эмигрантам, за редким исключением, запрещалось проживание на восточных крессах (7 восточных воеводств). Как свидетельствует письмо в редакцию газеты «За свободу» от 23.12.1923 г. его автору за четыре года проживания в Польше пришлось 16 раз продлевать карту побыта [5, 1923. 23. 12].

В связи с тем, что русские оказались ограничены в праве свободного передвижения, а работы предполагались на выезде, они часто не могли ею воспользоваться. Оформление документов могло осуществляться несколько месяцев [3, ф. 5855, оп. 1, д. 2, л. 4]. Особенно затрагивало интересы тех беженцев, которые занимались мелкой торговлей, ибо других средств существования они не имели. Осуществляя курс на государственную ассимиляцию непольского населения, польские власти в местной администрации, особенно на крессах, предпочтение отдавали полякам. Министерство труда и общественного презрения приняло 21.10.1921 г. распоряжение о недопустимости приема на государственную службу не поляков, а также тайное постановление от 19.08.1922 г., согласно которому все государственные чиновники не польской национальности подлежали увольнению [11, с. 9]. Для многих русских отсутствие польского гражданства («обывательства») являлось непреодолимым препятствием при приеме на работу. Они же являлись первыми кандидатами на увольнение в органах местной власти. В 1923 г.

подверглись увольнению со службы из различных учреждений Варшавы, в частности, из городского магистрата преимущественно русские как не имеющие польского гражданства [3, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 68]. Часто русские эмигранты увольнялись, а то и выселялись в связи с принятием постановления, запрещающее иностранцам работать на оборонных предприятиях и в портах. В марте 1933 г. администрация оборонных заводов осуществила массовые увольнения среди эмигрантов, работавших в районе Страховиц и Островца [12, 1933. 28. 4]. В 1936 г. польские власти, считая, что вырастет угроза безопасности стране как с Запада, так и с Востока, усилили контроль за представителями немецкого и русского национальных меньшинств. Здесь победу одержала политика укрепления «польскости» на крессах. Среди упреждающих мер были выселение тех немногих русских, которые проживали в пограничной зоне. Они обычно занимались мелкой торговлей, содержали кабаки и «могли передавать данные иностранной разведке» [15, с. 210]. Такие «подозрения» относительно русских являлись преувеличенными и ошибочными.

Таким образом, трудоустройство беженцев в Польше находилось в прямой зависимости от политики властей. Курс на создание «единой польской нации» на практике означала полонизацию крессов и их дерусификацию. Поэтому нахождение русских на территории страны являлось нежелательным. Поскольку значительную часть эмигрантов составляла интеллигенция, то ее представителей в первую очередь под различными предлогами пытались выселить из страны. Тяжелая экономическая ситуация в стране, массовая безработица, запреты на свободное перемещение и прикрепление к месту жительства, все это объективно давало основной массе беженцев возможность получить только неквалифицированную работу, в лучшем случае. Следовательно, в стране осуществлялась искусно прикрываемая дискриминация беженцев, иногда в законодательстве, а чаще в административной практике на местах.

Примечания

1. *Бюллетень* Российского Земгора помощи российским гражданам за границей. – Париж, 1921. – № 3.
2. *Варшавское слово*.
3. *Государственный архив Российской Федерации*.
4. *Донской Р.* От Москвы до Берлина. Архив русской революции / Р. Донской. – Т. 4. – Берлин, 1922.
5. *За свободу*.
6. *Зашкильняк А., Крикун Н.* История Польши / А. Зашкильняк; Н. Крикун. – Львов, 2002.
7. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940 / М. Йованович – М., 2005.
8. *Кьосева Ц.* Руската емиграция в България / Ц. Кьосева. – София, 2002.

9. *Козлитин В. Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945 / В. Д. Козлитин. – Харьков, 1996.
10. *Красноармейцы* в польском плену 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. – М.: СПб, 2004.
11. *Лисовський С. С.* Національна політика Польщі в Західній Білорусі (1921–1926 рр.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук / С. С. Лисовський. – Львів, 2004.
12. *Молва*.
13. *Наши дни*.
14. *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы) / Е. П. Серапионова. – М., 1995.
15. *Ткачев В. С.* Русская эмиграция в межвоенной Польше / В. С. Ткачев // *Emigracja Rosyjska. Losy i Idee*. – Lodz, 2002.
16. *Трошкина Н.* Документы ГАРФ о деятельности русских общественных организаций в Польше (20-30-е гг.) / Н. Трошкина // *Отечественные архивы*. – 2006. – № 3.
17. *10 lat polityki społecznej państwa Polskiego 1918–1928*. – W., 1928.
18. *Karpus Z.* Jency i internowani rosycy i ukraińscy na terenie Polski w latach d 1918–1924 / Z. Karpus. – W., 1997.
19. *Stanislawski W.* Emigracja i mniejszosc w II Rzeczypospolitej: sproba charakterystyki spolecznoscia / W. Stanislawski // *Sprawy Narodowosciowe*. – T. V. – Poznan, 1996.

УДК 94 (497.2) 1944/1946

Під тиском Тіто та диктатом Сталіна: як у Болгарії з'явилася «македонська національна меншина»

Страшнюк С. Ю.

Страшнюк С. Ю. Під тиском Тіто та диктатом Сталіна: як у Болгарії з'явилася «македонська національна меншина». Стаття присвячена політиці Болгарської робітничої партії (комуністів) у македонському питанні, котра ледве не привела до втрати суверенітету над частиною національної території. Незважаючи на спротив опозиції, яка відстоювала болгарський характер Горноджумайської області, перепис населення 25-31 грудня 1946 р. зафіксував наявність у Болгарії «македонської національної меншини». Автор приходить до висновку: тиск Тіто та диктат Сталіна, які прагнули вирішити македонське питання на